

Владимир Юдинцев

Москва: что это было и куда грести?

Окончание. Начало в №2

О превращениях морфотипов

Заводя речь о морфотипах, рискуешь потерять читателя, но в утешение скажу лишь одно - если бы их не было, то хаос в городе был бы куда тотальней, а в сфере объемно-планировочных ограничений безраздельно властвовал бы волюнтаризм, чего, впрочем, и так хватает. Так что потерпите, с этим по-любому придется иметь дело.

Мы привычно рассматриваем уплотнение городских кварталов как исторически непрерывный процесс, но рано или поздно возникает потребность разбить его на условные этапы дорастания домовладений и кварталов в целом до предельных по плотности состояний, когда одна форма (морфо) переходит в следующую по плотности и пространственному построению. Базовых морфотипов всего три, хотя могло быть и больше (как это и было вначале), но это технически неудобно и трехступенчатая градация вполне покрывает средовое многообразие исторического города.

Стоп-кадр 1917 года зафиксировал процесс городского уплотнения, что называется, на полпути. Где-то плотность была уже высокая, а где-то ещё деревенская. В центральной части Москвы и даже внутри Садового кольца одновременно присутствовали три стадии, все три морфотипа: старомосковский малоэтажный, традиционно-разноэтажный и периметрально-компактный, каждый - в нескольких вариациях. Каждый из морфотипов характеризуется пороговыми значениями плотности, этажности и процента застройки. Смысл реконструктивного уплотнения по морфотипам в том, чтобы возобновлять и увеличивать структурную плотность кварталов в рамках пороговых значений морфотипов, приближаясь к максимальным, но не переходя их. Тем самым гарантируется сохранность базовой средней типологии исторической Москвы. Оказываются представленными все исторические периоды уплотнения. Концепция, безусловно, красивая, хотя бы потому, что кладет конец малообоснованному охранительному произволу, установив для ценной и разнообразной городской среды хоть какую-то научно-структурную основу. Её классификация становится диалектической и имеет вектор развития. Предполагается, что базовая схема локализации морфотипов центра имеет четкие и логичные границы и, как следствие, дополняется схемой резервов уплотнения по каждой из них. Последняя и должна являться картой размещения новых объектов.

Здесь возникает несколько вопросов, от ответов на которые зависит действенность и практический смысл концепции морфотипов:

- Правильно ли, что максимальной плотности по морфотипам кварталы достигают в зонах наивысшей активности, зафиксированных на начало XX века? Не преувеличен ли здесь мемориальный момент? Ведь ситуация сильно изменилась;

- Куда распространился бы периметрально-компактный морфотип, не случись революции 1917 г. - Возможно ли в современных условиях естественное дорастание плотности (или имитация этой естественности) с вытеснением низкоплотных морфотипов к периферии исторического центра?

Легко заметить, что эти вопросы взаимосвязаны. Попробуем порассуждать. Картина зон наивысшей активности, которая является побудительной основой уплотнения центра, с 1917 года изменилась существенно. Если раньше это были торговые ареалы центра в северном секторе Садового кольца: Тверская - Петровка - Лубянка - Мясницкая с ядром Китай-города и уличными трассами на главные вокзалы, то сейчас это, главным образом, еще и торговые деловые зоны у пересадочных станций метро. Их несколько - Арбатско-Смоленская, Замоскворецко-Якиманская, Павелецко-Октябрьская, Покровско-Курская, Таганская, это — основные, все примыкают к кольцевым станциям пересадки метро. В отличие от северного сектора Садового кольца, представляющего цельно-связанную уличную сеть, остальные представляют собой сложные конфигурации радиальных и кольцевых улиц, относительно самостоятельны и работают как «центры в центре». По идее и уплотнение здесь должно происходить в первую очередь.

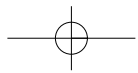
Северный сектор зон активности почти точно совпадает с исторической локализацией самого плотного периметрально-компактного морфотипа, сложившегося к началу XX в. Здесь все более-менее понятно, все, что можно было доуплотнить, сделано. А вот остальные зоны активности приходится на традиционно-разноэтажный и старомосковский морфотипы. С последним возникает проблема несовместимости, особенно острой на Таганке и в Замоскворечье, где действуют охранные зоны, много усадебной застройки и других исторически ценных зданий. Тамошные ограничения хорошо всем известны. Максимум, за что еще можно бороться, это заполнить периметр кварталов старомосковского морфотипа при жестко заданной верхней от-

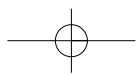
метке объемов. И это предел достроек, иначе в данном месте этот морфотип исчезнет.

Как бы пошло уплотнение этих зон в 20-х-30-х-40-х, если бы российский капитализм продолжал расти и застраивать Москву, наверняка не знает никто. Но резонно предположить вполне инерционный процесс в рамках тех же закономерностей, что действовали и раньше, а именно - постепенное вытеснение разноэтажного и старомосковского морфотипов периметрально-компактным, только подозреваю, что разрешения на снос давали бы не на Пятницкой 19, а сами хозяева, они же, скорее всего, и инвесторы обновлений (надстроек, пристроек и замен на более емкий фонд). Кошунственное предположение, но их, по-видимому, никто не хватал за руки - думаю, по этой же причине в Париже не густо домов знати времен Людовиков, зато много доходного фонда со сводчатыми подвалами, подозрительно похожими на московские, хотя и датируются иногда XV-XVI веками, т.е. оказываются гораздо старше.

Поскольку за старомосковский фонд рано или поздно вступилась бы интеллигенция (как в начале XX века профессора МГУ ополчились на большие доходные дома), скорее всего, из пределов Садового кольца был бы вытеснен традиционно-разноэтажный морфотип как наиболее легкая и естественная «добыча» периметрально-компактного, его следующей ступени. При таком раскладе подавляющее большинство кварталов центра, в том числе и за пределами Садового, состояло бы из плотных кварталов с анфиладами дворов-колодцев, как в Питере, но в более разноэтажном московском исполнении, а меньшую часть исторической территории занимали бы «резервации» с преобладанием старомосковского периметрального морфотипа, опирающиеся на Бульварное кольцо как структурный объединитель и центральную часть Замоскворечья между Полянкой и Новокузнецкой улицей. При этом квартальная нарезка неизбежно стала бы мельче, а уличная сеть, соответственно, плотнее, как это и обозначилось на межевых планах при раннем московском капитализме.

Однако размечтался. Но без подобных экскурсов трудно обрести уверенность в абсолютной правомерности сегодняшних границ морфотипического зонирования, особенно на фоне практики последних 20-ти лет. Несмотря на ощутимые в последние годы усилия Москомархитектуры и Мосгосэкспертизы, новые включения хронически превышают задаваемые параметры и образу-

Париж. Вид с Эйфелевой башни в сторону площади Звезды.
XX

обслужить при нашей низкоплотной и к тому же ещё и центростремительной уличной сети. И вообще лучше сразу привыкнуть к мысли, что никак не получится каким-то волшебным образом одной радикальной мерой «выручить» центр из двадцатилетнего погружения в беду. Хотя есть одна мера, но уверен, что она никого не устроит. Это омертвление центра, т.е. максимально возможное снижение активности, «погружение в анабиоз».

Вот наглядный пример. При советской власти зона Столешникова переулка - Петровки по пешеходным потокам и привлекательности была самой напряженной в городе (посещаемость — до 11 тыс. чел./час). Когда-то мы даже проектировали там дублирующую пешеходную систему. Оказалось, что достаточно перепрофилировать на «элитную» торговлю ЦУМ и Пассаж как главные фокусы притяжения потоков и разместить дорогие бутики на Столешникове - и никакой активности. Пустой переулок, а сколько усилий приложено, чтобы сделать его пешеходным и отвести транспорт, теперь забивший Петровку, Дмитровский и Б.Дмитровку? Неоправданный статус. Сходным способом омертвления центра является его «музеефикация», т.е. насыщение мемориальными и культурно-познавательными функциями с минимальной посещаемостью - тихий рай для туристов без машин.

Но представить себе обширные территории дезактивизированными таким образом тоже страшно: вырождается сама идея центра как места активного и общедоступного обмена. Достаточно того, что уже мало кто ходит в Китай-го-

род при всех его достопримечательностях и архитектурной привлекательности: функция и режим сегодня отторгают. Однако учитывая изложенную выше московскую специфику — низкую плотность уличной сети и неразвитость структуры кварталов - придется еще долго манипулировать этими двумя взаимосвязанными градостроительными инструментами: дезактивизацией отдельных фрагментов центра и постепенным повышением их коммуникативности, пока степень активности и ее структурное обеспечение не будут сбалансированы.

Сказать легко. А как увеличить коммуникативную емкость центра без капитальных пробок, всегда связанных с частичным разгромом сложившейся среды? Почти никак, т.е. с жертвами.

И вот здесь нужно выбрать один из двух возможных сценариев дальнейшей жизни исторического центра. Первый — намеренное сдерживание любой активизации, занудный и тщательный отбор функционального наполнения с возвратом жилых функций без особого уплотнения кварталов, но с обязательным развитием парковок внутри и на периметре Садового. Тогда, возможно, не понадобится развитие уличной сети, и она выдержит, если убрать поуличные стоянки в узких местах (в чем я ещё больше сомневаюсь). В реальности это означает, что пространственная структура кварталов останется незавершенной, но весь нынешний ценный фонд останется при нас (в чем я тоже сомневаюсь), а новые зоны активности будут формироваться исключительно вне исторического центра или на его периферии. Но это будут уже другие центры,

где историческая составляющая будет ничтожна, и привлекать придется чем-то другим.

Второй сценарий — дальнейшее развитие исторического центра, к чему всегда были предпосылки и еще остались резервы. Это означает уплотнение по морфотипам с делением крупных кварталов проездами, присоединяемыми к работающей уличной сети; возврат городу ранее изъятых или превращенных в стоянки-подъезды улиц и переулков; увеличение задерживающих и внутренних стоянок по принципу «где только возможно, лишь бы убрать с мостовой». И наконец, как и в первом сценарии - регенерация жилого фонда (в основном апартаментов) с приоритетным дополнением фонда гостиницами и пансионатами.

Как видим, рыть стоянки и убирать их с улиц так и так придется. Фильтрации функционального состава старых кварталов тоже не избежать в обоих сценариях. А вот в то, что удастся сдержать дальнейшую наполняемость до предельных состояний, пока есть резервы, я не верю принципиально. Если кто-то и будет сдерживать, то другие чиновники, в том числе те, кто призван сдерживать, будут разрешать строительство, к примеру, суперэлитного жилья с неизвестными пока социальными последствиями его концентрации. Поводки наших властей за полвека не изменились.

Вот и выходит - как ни декларирую первый сценарий, а он удобен сейчас многим: и властям, и охранителям наследия, но он однозначно сползет во второй, что называется, «по жизни» - хотим мы этого или не хотим. И к этому лучше быть готовыми. Всеми правдами и неправдами кварталы будут уплотняться, пока есть спрос на недвижимость в центре, а он всегда был и будет. С чего это он вдруг в Москве исчезнет? Исчерпываются нормальные участки, признанные сегодня «точной застройкой» (3) - будет уплотнение малыми секциями, для нынешних застройщиков пока не выгодное. Всему свое время. Пустоты существовали десятилетиями при Советах, но в условиях рынка они заполняются обязательно.

Значит, нам никак не отвертеться от одной из наиболее болезненных градостроительных операций - увеличения коммуникационной емкости уличной сети центра. Пугаться не стоит. Это не так страшно. Когда-то в НИИПИ Генплана мы в отделе А.Гутнова занимались этим, что называется, впрок. Время, конечно, другое, и много трасс убито, но дальше будет еще сложнее, если не воспользоваться сегодняшней паузой и наличием сильных специалистов. Эта работа должна иметь выход на реальное межование кварталов центра. И межование это должно зафиксировать проезды - и общегородские, и внутриквартальные - с закреплением их статуса, сколь сложной не была бы их конфигурация. Работа объемная, небыстрая и очень важная.

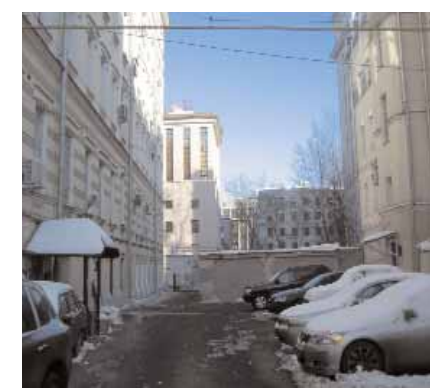
Без этого все разговоры про жизнеспособность и развитие центра, будут неконструктивны. Другой болезненной мерой должно стать перераспределение функционального состава центра: максимально возможный вывод офисных и административно-управленческих объектов из пределов Садового кольца с одновременным заполнением освобождаемого и нового фонда гостиницами, пансионатами, жильем и другими стабилизирующими, достаточно мелкими, но «лечебными» для центра функциями.

Хочу повторить, что обе эти меры крайне трудоемки, непопулярны, но они базовые, и без них - не избавить сегодняшний центр от пробок, не создать новые гуманные пространства для горожан. Есть много вспомогательных мероприятий по борьбе с пробками и оздоровлению системы движения. Они полезны, но надо твердо помнить: каждый, кто обещает убрать пробки другими способами — врёт и тянет время. Реально помогут только возврат и развитие капиллярной системы и радикальное изменение объектного заполнения центра.

Вот вроде мелкое событие: некогда закрытый участок Б.Козихинского переулка, где мощный в прошлом «Минмонтажспецстрой» узаконил себе ведомственную стоянку, год как открыли, и кошмарной пробки по Ермолаевскому и на Малой Бронной у Садового как не бывало. И стоянка осталась. Пустынок, а стало легче. Только для всего центра такое событие надо умножить на сто, а то и двести.

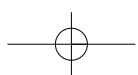
Через 5-7 лет после кризиса активный этап формирования застройки Москвы эпохи «нового» капитализма завершится, исчерпав все резервы, и мы перейдем к длительной стадии, в которой давно уже пребывают остальные столицы (даже Берлин угомонился) - стадии замены старых клеток на новые, и очень хочется, чтобы с гласностью, конкурсами и другими приятными признаками цивилизованного подхода. Отрадно, что замен у нас будет больше, так как качество построенного в бум - сами знаете, средненькое, а при замене клеток это качество можно потихоньку улучшить.

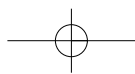
1. Шкала морфотипического деления для Москвы была впервые разработана для генерального плана Москвы и ПДП центра в 1989 г. в отделе перспективных исследований А.Гутнова Лидией Кожаевой и позже явилась одним из основных нормативных документов при реконструкции центра столицы. В принципе данная методика применима для любого исторического европейского города.
2. Помимо базовых - старомосковского (малозатяжного и периметрального), традиционного разноэтажного и периметрально-компактного выделены конструктивистский (застройка 20-30-х гг.) и неоклассицизм 50-х-60-х гг. как цельнопространственные фрагменты.
3. Действующий сегодня запрет на т.н. «точечную застройку» (якобы в интересах жителей), ничего кроме восхищения чьей-то ловкостью вызвать не может. Во все времена это был основной способ обновления квартального фонда - и самый естественный. Замены клеток были, есть и будут. Разумеется, всегда действовали ограничения, продиктованные правами соседних владельцев, но всегда же находились и решения, о чем свидетельствуют доходные дома очень сложной конфигурации. Вольно или невольно, но данный запрет создает кому-то в будущем весомый запас недвижимости, накопленный как «точная застройка», а в тех же жителях укореняет вредную иллюзию того, что придомовые интересы куда важнее общегородских.

5. «Неслучившиеся» улицы и переулки, «запечатанные» внутри кварталов. Сейчас это проезды, проходы и просто длинные двory.
XX
XX
XX
7. Улица Петровка - Неглинная улица.
XX

6. Страстной бульвар - Петровский переулок.
XX
8. Козицкий - Глинищевский переулки.
XX
10. Улица Б. Дмитровка - Козицкий переулок.
XX

Статья В.Юдинцева, вышедшая в №№1,2 «АВ» за этот год, не прошла незамеченной. Публикуем отклик на нее, принадлежащий нашему постоянному автору В.Бабурову, который пытается разобраться в множественности механизмов укрупнения квартальной структуры в российских городах в первых десятилетиях XX в. и – соответственно – разрежении дорожно-уличной сети.

Василий Бабуров

Почему укрупнялись кварталы

Предпосылки:

1. Санитарно-гигиеническая

Поиски новой объёмно-пространственной организации застройки для создания здоровой (с медицинской точки зрения) среды обитания. Отказ от компактной периметральной застройки с плохо инсолируемыми и плохо проветриваемыми дворами-колодцами в пользу башенной и строчной.

В авангарде этого процесса шли немцы, уже в 1925 г. принявшие новый строительный регулятив (по-нашему ПЗЗ) в Берлине, который стал примером для подобного законодательства в других городах Германии. Проекты В.Гропиуса (Шпандау-Хазельхорст, 1928 г.), Ле Корбюзье («План Вуазен», Лучезарный город), А.Люрса (проект 1931 г.).¹ Из отечественного опыта – Всехсвятский студенческий городок (Б.В. Гладков, Б.Н. Блохин и А.М. Зальцман, 1929-1935 гг.).

2. Концепция микрорайона

Концепция микрорайона, предполагавшая включение в квартал социально-бытовых функций (школа, детсад, прачечная, гараж и пр.) неизбежно раздувало его площадь. В качестве примеров можно привести проекты Л.Веснина (квартал для Симоновой слободы, 2,5 га, 1922-23 гг.), С.Чернышёва и Н.Колли (квартал на Б.Серпуховской ул., 8 га, те же годы) и др.

На рубеже 1920-30-х гг. определение микрорайона сформулировал академик С.Струмилин, возглавлявший Институт экономических исследований при Госплане СССР. Параллельно к этому же пришли и в Европе и США, прежде всего, в районной планировке Нью-Йорка (К.А.Перри, 1922-1931 гг.).²

Укрупнение кварталов, в свою очередь,

привело к разрежению улично-дорожной сети. Поэтому в США, где уровень автомобилизации был много выше, чем в Европе (не говоря о России), первыми осознали необходимость разделения пешеходного и транспортного движения и освоения подземного пространства. Одним из первых проектов, где это разделение было реализовано, был пригород-сад Редборн (штат Нью-Джерси) под Нью-Йорком (К.Стейн и Г.Райт, 1928-29 гг.).³

3. Имперская парадигма в СССР (нач.1930-х – сер.1950-х)

В СССР ещё одной причиной укрупнения кварталов явилась насильственная смена архитектурно-художественной парадигмы в первой половине 1930-х гг., обусловленная эстетическими пристрастиями вождя и желанием создать имперский город, характеризующийся укрупнённым масштабом застройки и открытых пространств, предназначенных скорее для демонстраций, нежели для транспорта.

Имперская эстетика подавила практические соображения. Квинтэссенцией сталинского квартала можно считать застройку 13-го квартала Юго-Запада, особенно «красные дома» на ул.Строителей (1952-1954 гг.) размером 170 м на 150 м.

4. Индустриализация строительства (сер.1950-х – по сей день)

Укрупнению кварталов также способствовала индустриализация и типизация строительства, осуществлённая в технологически отсталой стране с низкоквалифицированной рабочей силой. Наиболее оправданным с экономической точки зрения, было строительство многосекционных многоэтажных пластин и башен («диктатура башенного крана»).

5. «Живописный» подход к разработке генплана

Самой абсурдной причиной укрупнения кварталов, не имеющей ничего общего со здравым смыслом, стало творчество проектировщиков, профессионально сформировавшихся в имперской парадигме и переживших переход к парадигме индустриального строительства.

Массовое строительство предполагало освоение участков колоссального размера (особенно если объектом проектирования был даже не район, а целый город – например, Тольятти). Рисовалась планировочная схема, которая должна была выглядеть зримо и понятно целиком, с расстояния нескольких метров, т.е. в крупном масштабе (1:20 000). Соответственно, главная улица («эспланада») получала ширину 300 м, а кварталы приобретали размеры 1000 м на 700 м (как в Тольятти).⁴

Современное состояние вопроса

В развитых странах, с развитием строительной индустрии и параллельным отмиранием модернистской парадигмы происходило постепенное уменьшение масштабов кварталов, так как в этом случае среда получалась более качественной и комфортной. В России за последнее время сосуществуют разные подходы к проектированию кварталов:

- унаследованный от СССР «индустриально-живописный» (массовое строительство в городах: СУ-155, ПИК, ДСК-1 и т.п.);
- привнесённый из Европы постмодернистский («Каучук» С.Скуратова, «Татаровская пойма» В.Плоткина и Ю.Кузина);
- заимствованное из США через Китай, Южную Америку и страны Персидского залива высокоплотное высотное строительство, с почти полным заполнением территории квартала (без дворов);
- гибриды вышеперечисленных.

¹ Подробнее см. А.Бунин. История градостроительного искусства, том 2, «Возникновение микрорайона».

² Подробнее см. А.Бунин. История градостроительного искусства, том 2, «Возникновение микрорайона».

³ Подробнее см. А.Бунин. История градостроительного искусства, том 2, «Возникновение микрорайона».

⁴ В.Глазьев. Лекция в Институте урбанистики СПб, 14.12.2002 г.

